

Преторская формула как инструмент понятийного юридического мышления в римском частном праве предклассического и классического периодов

Разуваев Николай Викторович

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского и трудового права юридического факультета,
e-mail: nrasuvaev@yandex.ru.

Трегубов Михаил Владимирович

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
заведующий кафедрой правоведения юридического факультета, кандидат юридических наук, e-mail: tregubov-mv@ranepa.ru.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается преторская формула, являвшаяся средством фиксации искового требования в римском частном праве предклассической и классической эпох. Природа и сущность преторской формулы достаточно мало изучены в специальной юридической литературе. При этом большинство авторов ограничиваются общей характеристикой структуры преторских формул, указывая на то, что в формулярном процессе документальная формула имела то же значение, какое в легисакционном процессе имели законные иски, заявляемые в устной форме. По мнению авторов, исследование формулы должно опираться на общие закономерности эволюции римского частного права. В работе доказывается, что появление преторской формулы является показателем трансформации ассоциативно-образного правового мышления в мышление понятийное, а сама формула выступает важным инструментом понятийного мышления, используемым для конструирования субъективных прав, а также придания им формальной определенности и юридической силы.

Ключевые слова: понятийное правовое мышление, римское частное право, формулярный процесс, иски, эксцепция, юридический факт, субъективное право.

Praetor Formula as an Instrument of Conceptual Legal Thinking in Roman Private Law of the Pre-Classical and Classical Periods

Nikolay V. Razuvaev

North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation)
Doctor of Science (Jurisprudence), Head of the Department of Civil and Labor Law of the Law Faculty; e-mail: nrasuvaev@yandex.ru.

Michail V. Tregubov

North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation)
Head of the Department of Law of the Law Faculty, PhD in Jurisprudence; e-mail: tregubov-mv@ranepa.ru.

ABSTRACT

The article discusses the formula, which is a means of fixing the claim in Roman private law of the pre-classical and classical periods. The nature and essence of the formula are quite little studied in the special legal literature. At the same time, most authors are limited to the general characteristic of the structure of the formulas, indicating that in the formulary process the documentary formula had the same meaning that in the legis actio were legitimate claims declared orally. According to the authors, the study of the formula should be based on the general laws of the evolution of Roman private law. The work proves that the emergence of the formula is an indicator of the transformation of associative-shaped legal thinking into a conceptual thinking, and the formula itself is an important tool for conceptual thinking used to construct subjective rights, as well as giving them formal certainty and legal force.

Keywords: conceptual legal thinking, Roman private law, formulary process, claims, exception, legal fact, subjective right.

Введение

В системе юридических наук римское частное право занимает особое место и обладает своеобразным дисциплинарным статусом, определяемым не столько чисто познавательными, сколько прикладными во многом задачами. При том что право античного Рима, на первый взгляд, всецело принадлежит истории и может рассматриваться по преимуществу в диахронной ретроспективе,

собственно исторические его аспекты считаются не имеющими высокой познавательной ценности и в силу этого не привлекают особого внимания историков, значительно уступая в указанном отношении правопорядкам Древнего Востока или Древней Греции.

Значительно больший интерес вызывает универсальная основа, обусловившая долговечность категориального аппарата, а также многих институтов римского частного права, равно как и их удивительную способность к интеграции в правовые системы современного мира¹. Пользуясь известной параллелью с языкознанием, можно утверждать, что римское частное право так же связано с существующими правопорядками, как латынь связана с романскими языками, несмотря на значительные различия в фонетике, морфологии, синтаксическом строе, не говоря уже о лексическом составе соответствующих языков².

На наш взгляд, это объясняется тем, что, подобно латыни, римское частное право, каким мы его знаем, представляет собой не столько реальный исторический феномен, сколько доктринальный конструкт, создававшийся на протяжении многих столетий усилиями поколений цивилистов, видевших в нем своего рода общую теорию гражданского права. В свое время на уникальный характер науки римского частного права обращал внимание Ф. К. Савиньи, по словам которого предметом романистики выступают «те институты права, которые имеют римское происхождение, однако с включением сюда их последующих изменений, даже если эти последующие изменения имеют происхождение, отличное от римского»³. И в настоящее время внутри предметных рамок науки римского частного права присутствует отчетливый «водораздел», пролегающий по рубежу архаической и предклассической эпох. Легко заметить, что право архаического Рима (VIII–IV вв. до н. э.) выступает предметом преимущественно историко-юридического исследования⁴, тогда как институты предклассического и в особенности классического римского права (IV в. до н. э. — III в. н. э.) уже давно и прочно входят в предмет цивилистической догматики⁵.

Иными словами, уже в предклассический период происходит перестройка структуры римского правопорядка, позволившая ученым в дальнейшем выделить особенности «системной» организации последнего, обособив их от чисто исторических тенденций, присущих предшествующему периоду. Нам представляется, что указанное обстоятельство не является побочным результатом действия частных факторов (таких, например, как практическое удобство технических приемов и способов правового регулирования, разработанных римскими юристами), но вытекает из общих закономерностей эволюции права и юридического мышления, особенно ярко проявивших себя в истории правопорядка Древнего Рима.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы проиллюстрировать указанные закономерности на примере преторской формулы, являвшейся специфическим процессуальным средством, применявшимся в римском гражданском процессе предклассического и классического периодов. Несмотря на значение преторской формулы в качестве способа документальной фиксации исковых требований, ее юридическая природа, сущность и правовые последствия в специальной литературе не получили детального рассмотрения и, как следствие, остались не проясненными до конца.

Одной из немногих работ, специально посвященных рассмотрению указанных вопросов, является диссертация И. Я. Бахофена, исследовавшего преторские формулы в общем контексте эволюции исковых форм в процессуальном праве Древнего Рима⁶. Впоследствии ученые, отмечая

¹ См. подробнее: *Koschaker P.* Europa und das römische Recht. München, Berlin: C. H. Beck Verlag, 1953. S. 253; *Hamsa G.* Zur Frage des Verhältnisses der vergleichenden Rechtsgeschichte zum römischen Recht. Studi in onore di Arnaldo Biscardi. Vol. II. Milano: Istituto Editoriale Cisalpino — La Goliardica, 1982. P. 1–23.

² См.: *Таривердиева М. А.* Историческая роль латинского языка в формировании романских языков и культур // Вестник Московского гуманитарного лингвистического университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. № 6 (11). С. 152–158.

³ *Савиньи Ф. К.* Система современного римского права. Т. I. М.: Статут, 2011. С. 274.

⁴ Обзор историографии вопроса см., в частности: *Кофанов Л. Л.* Lex et ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н. э. М.: Статут, 2006. С. 13–37.

⁵ Примечательно, однако, что постклассическое римское право и продолжающее во многом его традиции частное (гражданское) право Византийской империи вновь становятся предметом изучения не столько цивилистов, сколько историков права и «чистых» историков-медиевистов. См. подробнее: *Липшиц Е. Э.* Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л.: Наука, 1976; *Заливалова Л. Н.* К вопросу об изучении византийского права // Модернизация российского законодательства в условиях конституционной реформы. Сборник трудов XVII Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме / отв. ред. Г. Г. Бриль, В. В. Груздев. Кострома: Изд. Костромского гос. ун-та, 2021. С. 302–306.

⁶ См.: *Bachofen J. J.* De romanorum iudiciis civilibus de legis actionibus de formulis et de condictione: dissertatio historico-dogmatica. Göttingen: Dieterich, 1840.

бланкетность формул⁷, а также их закрепление в магистратских эдиктах, содержавших исчерпывающий перечень использованных исков, зачастую приходили к заключению о правотворческом значении последних. На этом основании в целом делался вывод о прецедентном характере римского частного права⁸, в сравнительно-историческом плане подкреплявшийся аналогией с процессуальным правом Древней Греции (прежде всего, правом Древних Афин), по всей вероятности, оказавшим влияние на генезис и организацию римского формулярного процесса⁹.

Безусловно, рассматривая генезис преторской формулы, нельзя сбрасывать со счетов роль внешних заимствований, особенно с учетом позиции В. Аранжо-Руиса, полагавшего, что сами формулы, начиная с 242 г. до н. э., то есть еще задолго до принятия *lex Aebutia*¹⁰, узаконившего формулярную процедуру, применялись в судебной практике перегринского претора, естественно руководствовавшегося при их создании иноземными образцами¹¹. Вместе с тем нельзя не признать, что юридическое значение преторской формулы, не имеющей прямых аналогов не только в античном, но и в современном процессуальном праве, едва ли можно раскрыть в полной мере, опираясь только на гипотетически реконструируемые средства процессуальной защиты, заимствованные римским правом порядком из афинского права. На наш взгляд, большую объяснительную силу имеют культурно-исторический контекст и общие закономерности правовой эволюции, обусловившие появление формулы как специфического средства документальной фиксации исковых требований, применявшегося в римском частном праве.

Ассоциативно-образное и понятийное юридическое мышление в истории римского частного права

Юридический смысл и назначение преторских формул получают свое объяснение на основе тех стадийных особенностей, которые были присущи правопорядку Древнего Рима, подобно другим традиционным правопорядкам на всех этапах его развития. Речь идет о неразвитости нормативной составляющей правопорядка, основополагающими компонентами которого выступали субъективные права и обязанности участников, возникавшие в контексте конкретных фактических ситуаций и неотделимые от этих ситуаций. Именно поэтому правотворчество (в круг субъектов которого входили как частные, так и должностные лица) реализовывалось преимущественно посредством создания субъективных прав и обязанностей, отвечающих появлению новых юридически релевантных ситуаций.

Разумеется, признание юридической значимости за подобными фактическими ситуациями осуществлялось прежде всего в процессуальном порядке, в силу чего иск как процессуальная форма фиксации субъективных прав зачастую предшествовал их материально-правовой форме. Вот почему вполне обоснованным представляется мнение С. Ю. Седакова, по словам которого: «Римское право классического периода следовало принципу, согласно которому юридическое правомочие лица основывалось прежде всего на защищенности принадлежащего лицу права... То есть правомочие лица было основано не на общей норме, непосредственно связанной с возможностью судебной защиты этого правомочия, а наоборот»¹². Таким образом, в отличие от современных правопорядков, структура которых имеет вертикальный характер, включающий в себя иерархически соподчиненные уровни юридических норм, субъективных прав и обязанностей, а также юридических фактов¹³, правопорядок античного Рима обладал горизонтальной структурой,

⁷ См.: Сальковский К. Институции. Основы системы и истории римского частного права. Киев: Тип. «Петр Барский», 1910. С. 547.

⁸ См., в частности: Хвостов В. М. Система римского права. М.: Спарк, 1996. С. 51; Седаков С. Ю. Роль квиригского претора в создании норм римского частного права предклассического периода // Древнее право, 1996. № 1. С. 124; Марченко М. Н. Источники права. М.: ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2006. С. 635 и след.

⁹ См.: Wolff H. J. The Origin of Judicial Litigation Among the Greeks. *Traditio: Studies in Ancient and Medieval History, Thought, and Religion*. 1946. Vol. 4. P. 63; Курбатов А. А. Судопроизводство в архаических Афинах // Государство и право, 1993. № 6. С. 127.

¹⁰ См.: Biscardi A. Sulla data della *lex Aquilia*. *Scritti in memoria di Antonio Giuffre*. Milano: Ed. Giuffre, 1967. Vol. 1. P. 84 ff.; Birks P. From *Legis Actio* to *Formula*. *The Irish Jurist*. New series. 1969. Vol. 4. № 2. P. 357; Watson A. *Roman Law Around 200 BC*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1971. P. 161.

¹¹ См.: Arangio-Ruiz V. *Instituzioni di diritto romano*. 14 ed. Napoli: E. Jovene, 1984. P. 121.

¹² Седаков С. Ю. Указ. соч. С. 124.

¹³ Руководствуясь указанным представлением, многие теоретики, причем не только российские, но и зарубежные, склонны видеть в правопорядке иерархическую систему норм различной степени общности. Как известно, Г. Кельзен определял правопорядок как ступенчатую нормативную структуру, логически выводимую

основными элементами которой являлись субъективные права, обязанности и юридические факты.

В общесоциальном плане фундаментом правопорядков и истоком всякого права (как объективного, так и субъективного) выступают культура и правовое мышление, эволюция которых оказывает определяющее влияние как на сами элементы, образующие структуру правопорядка, так и на их соотношение, в том числе в диахронной ретроспективе. В этом смысле представляется глубоко оправданным вести речь о сущностном тождестве права вообще и римского права в частности с иными культурными регуляторами, прежде всего с языком, который, подобно праву, является знаковой системой, конструирующей многообразные феномены социальной реальности (факты), вовлекаемые в процессы коммуникативного взаимодействия индивидов посредством языка и при его непосредственном участии¹⁴.

Даже самое поверхностное описание языковых структур позволяет сделать вывод об их закономерном сходстве со структурой права, которая также образуется знаками и совокупностями знаков различной степени общности. И если языковыми знаками являются морфемы, слова, словосочетания и предложения¹⁵, то семиотическими элементами права выступают субъективные права и обязанности, юридические нормы, а также правовые институты, образующие в своей совокупности структуру права, каждый уровень которой можно соотносить с единицами естественного языка. При этом следует учитывать структурно-функциональную специфику знаковых форм, включая право, не сводя их многообразию к одному только языку (или к языкам различного рода), как это делали мыслители Возрождения, полагавшие, что реальность состоит из вещей, подобно тому как язык состоит из слов¹⁶.

Вместе с тем сущностное тождество права и языка не ограничивается структурными и функциональными совпадениями, имеющими место на уровне означающего соответствующих семиотических средств. Не менее важным материалом для выводов служат идеи, ценности, а также иные культурные категории и социально-психологические представления, которые составляют содержание (или план означаемого) юридических знаков, как в синхронном измерении, так и в диахронной ретроспективе. К числу основных категорий, оказывающих регулятивное воздействие на поведение участников правового общения, относятся свобода, справедливость, эквивалентность, разумность, добросовестность и т. п. По аналогии с внутренней формой языка и слова, определение которой было дано в работах В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни и ряда других авторов¹⁷, совокупность указанных идей можно рассматривать в качестве *внутренней формы права*, выступающей тем контекстом, в рамках которого осуществляются любые исторические трансформации правопорядка.

Именно на уровне внутренней формы со всей наглядностью раскрывается историческая динамика правового мышления, которая определяет стадийные и стилевые характеристики правопорядков¹⁸, в том числе их элементный состав и структурную организацию. Возвращаясь к

из гипотетически конституируемой основной нормы (см.: Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб.: Издат. дом «Алеф-пресс», 2015. С. 163 и след), а по мнению Г. Харта, во многих иных отношениях полемизирующего с Кельзеном, право является «единством первичных и вторичных правил» (Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 84 и след.). Обращение к правопорядкам прошлого, в том числе к римскому частному праву, дает возможность убедиться в сомнительности и антиисторизме этой, на первый взгляд, неопровержимой, теории.

¹⁴ См.: Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Издат. группа «Прогресс», 2001. С. 192–194.

¹⁵ О семиотической природе языка см. подробнее: Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 1999. С. 68 и след.

¹⁶ См.: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: Изд-во А-сad, 1994. С. 71 и след.

¹⁷ См.: Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Наука, 1984. С. 212–214; Потебня А. А. Мысль и язык // А. А. Потебня. Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 131 и др.

¹⁸ О понятии правового стиля применительно к основным правовым системам современности см. подробнее: Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. 1. Основы. М.: Междунар. отношения, 1998. С. 108 и след. Представляется, однако, что авторы явно преувеличивают качественное своеобразие синхронно сосуществующих правовых систем. Так, не вызывают сомнения стилевые отличия романо-германского и англо-американского права, вместе с тем эти отличия не настолько значительны, чтобы служить непреодолимым препятствием для успешной рецепции институтов общего права в континентальные правовые системы и даже для конвергенции этих правовых семей, происходящей в настоящее время. На наш взгляд, гораздо большего внимания заслуживает историко-стилистическое описание правопорядков прошлого, в том числе римского частного права, проливающее свет на общие закономерности их эволюции.

римскому частному праву, следует отметить, что его история служит яркой иллюстрацией общекультурного процесса перехода от ассоциативно-образного к понятийному мышлению, имевшего место во всех сферах духовной жизни античности, в том числе в юридической сфере.

Рассматривая данный процесс, О. М. Фрейденберг писала: «Получая становление непосредственно из чувственного (даже, больше того, зрительного) образа, античное понятие представляло собой тот же конкретный образ, но в новой сущности — в отвлеченной... Античные понятия складывались в виде метафор — как переносные, отвлеченные смыслы смыслов конкретных. Но метафора не была готовой величиной и не создавалась сразу. Она имела свой исторический путь и тот процесс становления, начало которого протекало как раз в античности»¹⁹.

Ассоциативно-образное правовое мышление имело своим непосредственным истоком менталитет первобытного человека, которому, согласно мнению, высказанному еще Л. Леви-Брюлем, было не свойственно оперировать сложными логическими категориями²⁰. Данный способ мышления, в том числе мышления правового, имел сугубо предметный характер и был непосредственно ориентирован на объекты окружающего мира, познаваемые посредством чувственных восприятий, а не на отвлеченные понятия или общие правила.

Вот почему работа ассоциативно-образного мышления была направлена преимущественно на семантизацию явлений действительности, конструируемых в виде мифологических, а также иных образов. Последние воплощали в своей полноте и конкретности культурно значимые символы, набор которых оказывал непосредственное суггестивное воздействие на поведение носителей соответствующего типа культуры²¹. При этом сами культурные символы представляли собой органическое единство различных по своей природе психологических элементов, а именно познавательно-рефлективных, чувственно-эмоциональных и волевых.

Благодаря отмеченным свойствам знаковые образы, во-первых, настолько тесно связывали лингвистическую и экстралингвистическую (звуковую, мимическую, жестикуляционную) форму с культурным содержанием, что разделение их оказывалось в полной мере невозможным даже на самом высоком уровне абстрагирования от непосредственного предмета анализа. Во-вторых, соединение отдельных знаковых образов в синтагматические ряды подчиняется не столько формально-логическим законам, сколько психологическим механизмам аналогии и ассоциации, придававших дискурсивному акту черты театральности-поэтического действия, а в предельном выражении — глоссолалии²². Наконец, в-третьих, категоризация таких образов, взятых во всей полноте их конкретного содержания, поначалу была невозможной, что на определенном этапе культурного развития являлось серьезным препятствием для складывания на их основе общих логических понятий.

Представляется, что ассоциативно-образное мышление выступало фундаментом архаического римского права VIII–IV вв. до н. э., наглядными свидетельствами чему служат любые процедуры, применявшиеся в архаическом праве, например стипуляция и иные вербальные сделки, заемные обязательства пехит и т. п.²³ Юридическая сила подобных процедур непосредственно зависела от неуклонного соблюдения сторонами требований ритуала, символически выражавшего мифологические концепты справедливости и упорядоченности социальной и природной реальности, а также придававшего упорядоченность самому поведению индивидов, которое эту реальность конструировало²⁴. Произнося слова и совершая действия, предписанные ритуалом, участники создавали для себя субъективные права и обязанности, являвшиеся единственно возможной в этих условиях формой выражения взаимных правопритязаний субъектов. Именно такая культурно значимая установка лежала в основе легисакционного процесса архаической эпохи, в котором любое отступление от предусмотренной процедуры делало ничтожным искомое требование и, как известно, автоматически влекло за собой проигрыш дела (*Gai.*, 4.11)²⁵.

Основной предпосылкой трансформации ассоциативно-образного правового мышления в мышление понятийное, начало которой может быть датировано серединой IV в. до н. э., выступает

¹⁹ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 234.

²⁰ См. подробнее: Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб.: Европейский дом, 2002. С. 11 и след.

²¹ См.: Лотман Ю. М. Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX веков // Ю. М. Лотман. Семьосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 402.

²² См. подробнее: Марр Н. Я. Язык // Марр Н. Я. Основные вопросы языкознания. Л.: Соцэкгиз, 1936. С. 129–130.

²³ См. об этом, в частности: Кофанов Л. Л. Указ. соч. С. 392.

²⁴ См.: Емельянов В. В. Ритуал в Древней Месопотамии. СПб.: Азбука-Классика; Петербургское востоковедение, 2003. С. 27.

²⁵ См.: Салогобова Е. В. Римский гражданский процесс. М.: Юридическое бюро «Городец», 1997. С. 37–38.

категоризация мифологических образов, прежде всего образа справедливости, лежащего в основе процедур ритуального права и правосудия²⁶. Зарождение понятийного мышления не только придало импульс к перестройке процессов конструирования реальности на принципиально новых — рациональных — основаниях, но и на первых порах повлекло за собой в качестве побочного результата утрату формальной определенности правового поведения, спровоцировав известный кризис правопорядка на рубеже архаического и предклассического периодов истории римского частного права.

Одним из проявлений такого кризиса стало пресловутое «самоуправство» во взаимоотношениях между субъектами правопорядка, в котором некоторые юристы усматривали универсальную стадию правовой эволюции, но которое на деле представляло собой лишь частный момент, сопутствующий переходу на новую ступень развития²⁷. Иными словами, трансформация ассоциативно-образного мышления в мышление понятийное повлекла за собой десемантизацию правовых процедур, основанных на мифологической образности, и утрату ритуалом, в частности судебным, способности регулировать поведение субъектов правового общения.

В подобных условиях возникает объективная потребность в закреплении субъективных прав и обязанностей, по-прежнему составлявших основу структуры правопорядка. Незрелость нормативного начала принуждала правопорядок к поискам иных способов такого закрепления, причем судебные процедуры здесь играли одну из ведущих ролей. Именно указанными обстоятельствами объясняется появление формулярного процесса, в котором исковые требования получили формальное выражение не в виде ритуальных действий, а в специальных предписаниях претора или иного магистрата. Учитывая вышеизложенное, мы можем видеть в преторской формуле особое юридико-техническое средство, применяемое понятийным правовым мышлением на соответствующем этапе правовой эволюции для придания формальной определенности юридически значимого поведения индивидов.

Черты понятийного юридического мышления в структуре преторской формулы

Несмотря на кажущееся структурное сходство с нормами права, в частности наличие трех элементов (пресловутое «если — то — иначе»), было бы ошибкой видеть в формуле установленную преторским эдиктом правовую норму или даже ее прообраз. В самом деле, норма представляет собой общее, то есть распространяющееся на неограниченное множество типически сходных ситуаций и на неопределенный круг лиц, правило поведения, установленное в законе либо ином официальном источнике²⁸, тогда как формула, несмотря на ее закрепление преторским эдиктом, имела сугубо индивидуальный характер, то есть была неотделима от конкретной юридической ситуации (*казуса*) и ее участников.

Анализ основных элементов структуры преторской формулы позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, формула, не будучи нормой в современном смысле, имела правовые последствия в плане установления, изменения и прекращения субъективных прав и обязанностей, причем как в материальном, так и в процессуальном планах. Во-вторых, содержательно формула представляла собой совокупность рефлексивных правовых и лингвистических приемов, то есть являлась инструментом понятийного правового мышления, предоставлявшего в распоряжение претора и следовавшего его предписанию судье как языковые средства составления формул, так и дополнительные формально-логические приемы их структурной организации.

Как известно, преторская формула включала в себя ряд элементов, одни из которых являлись основными, то есть отражали субстанциональные характеристики, присущие любому исковому требованию, другие же носили вспомогательный характер и были обусловлены конкретными обстоятельствами искового требования. Тексту формулы предшествовала *номинация*, назначение присяжного судьи, которому предстояло рассмотреть дело и вынести решение, исходя из тех

²⁶ См. об этом подробнее: Луковская Д. И., Разуваев Н. В. Учение досократиков о справедливости и законе // Вестник СПбГУ. Сер. 14. Право, 2015. Вып. 3. С. 37 и след.

²⁷ См., например: Йеринг Р. фон. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб.: тип. В. Безобразова и Ко., 1875. Ч. 1. С. 92; Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права. М.: Проспект, 2015. С. 33.

²⁸ При этом, разумеется, необходимо учитывать неоднозначность интерпретации категории «источник права», равно как и ее полисемию, проявляющуюся в том числе в культурно-историческом плане. См. подробнее: Спириин М. Ю. О современных проблемах определения категории «источник права» // Вестник общей и отраслевой теории права, 2022. № 1 (3). С. 28.

фактических обстоятельств и правовых оснований, которые содержались в формуле. К числу основных элементов формулы (*partes formulae*) относились интенция, демонстрация, кондеминация и адьюдикация (Gai., 4.39).

При этом важно отметить, что структура формулы никогда не включала в себя все четыре элемента одновременно, а была, как правило, трехчастной²⁹. Одни формулы состояли из интенции, демонстрации и кондеминации, а другие, выдававшиеся в исках о разделе общего имущества или разделе границ, соответственно, включали в себя интенцию, демонстрацию и адьюдикацию. В специальной литературе отсутствует единство мнений относительно последовательности частей преторской формулы. Так, одни авторы при реконструкции ее типового текста помещают демонстрацию перед интенцией, тогда как другие полагают, что интенция предшествовала демонстрации. Учитывая синтаксические особенности соответствующих элементов, в частности то обстоятельство, что интенция включала конъюнктивное наклонение глагола несовершенного вида *si paret* — «если выяснится» или «если будет доказано», а демонстрация вводилась союзом *quod* — «то», «поскольку», последнее мнение представляется предпочтительным.

Таким образом, *интенция* (*intentio*) содержала в себе указание на субъективное право истца и излагала фактические обстоятельства, на которых это право основывалось, например: «Если выяснится, что Нумерий Негидий должен вернуть Авлу Агерию десять тысяч сестерциев» или «Если выяснится, что раб Стих принадлежит Нумерию Негидию по праву квиритов» и т. п.³⁰ Причем если притязание истца, изложенное в формуле, опиралось на субъективное право, признанное законом, формула называлась *in ius concepta*; если же иск имел фактическое обоснование, то формула была составлена *in factum concepta*.

В качестве примеров исков первого вида Гай называет иски об истребовании имущества из чужого незаконного владения, иски об исполнении по обязательству или о компенсации вреда. Примерами исков второго вида являлись, по словам Гая, любые формулы, которые «основаны на фактических отношениях, например формула против того, кто, будучи призван в суд, ни сам не явился, ни представил поручителя; равным образом формула против того, кто насильно устранил лицо, призванное в суд»³¹. Вместе с тем формулы по некоторым искам, как, например, по искам из договоров хранения или ссуды, могли составляться как *in ius*, так и *in factum*. Примечательно, что в первом случае роль правового основания искового требования играл принцип доброй совести (*bona fides*), на основании которого претор предписывал компенсировать ущерб, причиненный истцу³².

Демонстрацией (*demonstratio*) называлась часть формулы, содержащая в себе указание на предмет иска. Поскольку в Институциях Гая, где содержится исчерпывающее описание структуры преторских формул и ее видов и которые поэтому являются нашим основным источником, говорится о «вещи, по поводу которой идет спор (*res de qua agitur*)», может возникнуть представление, что данный элемент присутствовал лишь в вещных исках, подобных, например, искам об истребовании из чужого незаконного владения. Рискнем предположить, однако, что подобное представление является ошибочным. Дело в том, что для римского правового мышления, характеризовавшегося сугубой предметностью и не проводившего четкого различия между вещами и иными объектами прав, охватывавшимися общим понятием «бестелесных вещей» (*res incorporales*) в противоположность вещам телесным, действия должника в обязательстве, которые имел право требовать кредитор (D.50.16.23), также рассматривались в качестве вещей особого рода.

Вот почему *demonstratio* включалась в формулы, составлявшиеся как по вещным, так и по иным требованиям. Не случайно Гай приводит в качестве иллюстрации два вида демонстраций: «так как Авл Агерий продал Нумерию Негидию раба» и «по поводу того, что Авл Агерий оставил

²⁹ Вместе с тем в ряде случаев допускалась и возможность отступления от такой трехчастной структуры формулы. Так, по словам Гая (Gai., 4.44), в преюдициальных исках формула состояла только из одного элемента, а именно из интенции, что, видимо, было обусловлено спецификой споров, рассматриваемых в порядке *praedictum* (Iul. Vict. *Ars Rhet.* VI. 8; Quint. V.2. 1–5).

³⁰ Gai., 4.41: *Intentio est ea pars formulae, qua actor desiderium suum concludit, uelut haec pars formulae: SI PARET NUMERIUM NEGIDIUM AULO AGERIO SESTERTIUM X MILIA DARE OPORTERE; item haec: QUIDQVID PARET NUMERIUM NEGIDIUM AULO AGERIO DARE FACERE OPORTERE; item haec: SI PARET HOMINEM EX IURE QUIRITIUM AULI AGERII ESSE.*

³¹ Gai., 4.46: *...In factum conceptae sunt, uelut aduersus eum, qui in ius uocatus neque uenerit neque uindicem dedit; item contra eum, qui ui exemerit eum, qui in ius uocaretur; et denique innumerabiles eius modi aliae formulae in albo proponuntur.*

³² Подробнее см.: Дождев Д. В. Добрая совесть (*bona fides*) как принцип правового общения // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М.: ИГП РАН, 1996. С. 30–31.

на сохранение у Нумерия Негидия раба»³³. Можно отметить, что предметом спора в первом случае выступает раб, проданный истцом ответчику на праве квиритов, тогда как во втором случае — действия ответчика по надлежащему исполнению обязательства из договора хранения (*depositum*) раба. Смысловое различие грамматических форм рассматриваемых элементов преторской формулы получает свое объяснение в категориях структурного синтаксиса³⁴.

А именно, несмотря на то, что в обоих случаях перед нами трехактантная синтаксическая структура, в первом случае логическое и смысловое ударение ставится на глагол *vendere* «продавать», связывающий субъектов, Авла Агерия и Нумерия Негидия, по поводу объекта (*homo*), принадлежащего одному из тяжущихся на квиритском праве. Тем самым подчеркивается трехвалентность соответствующего глагола, призванная отразить в структуре грамматической конструкции вещно-правовой характер юридической ситуации. Во втором же случае глагол *deponere* «хранить» является двухвалентным: он связывает непосредственно двух субъектов действия, выражаемого глаголом, тогда как третий актант опосредствуется вспомогательными структурными компонентами предложения (*сирконстантами*), естественным образом примыкая именно к ним. Очевидно, что референтом синтаксической конструкции выступает уже не сама вещь как таковая, а действие по поводу вещи, и налицо, следовательно, обязательно-правовая ситуация, являющаяся предметом спора.

Наконец, *кондемпнацией* (*condemnatio*) называется часть формулы, в которой судье предписывалось присудить ответчика к уплате денежной суммы или оправдать его. Гай отмечает принципиальное отличие формулярного процесса от исторически предшествовавшего ему *legis actio sacramento in rem*, предполагавшего истребование спорной вещи в натуре, а не в денежной форме. По его словам, «если мы отыскиваем в суде какую-либо вещь, например землю, раба, одежду, золото, серебро, судья присуждает ответчика не к выдаче самой вещи, как это было прежде, но, сделав оценку спорной вещи, присуждает его к денежной уплате»³⁵.

Представляется, что переход к исключительно денежной форме присуждения был обусловлен не столько утверждением принципов свободы и формального равенства сторон в формулярном процессе, как полагает Д. В. Дождев³⁶, сколько общими культурно-историческими изменениями, глубоко затронувшими правосознание и правовое мышление участников юридической коммуникации в эпоху, когда получил свое развитие данный процесс. Речь идет о рассмотренной ранее трансформации ассоциативно-образного мышления, с его сугубой предметностью символических форм, в мышление понятийное, позволившее усматривать в этих формах абстрактное содержание, которым в данном случае выступала денежная оценка как универсальный эквивалент стоимости любых конкретных вещей. Соответственно, именно этот тектонический сдвиг в ментальной сфере сделал возможным также и обоюдное признание формально равных сторон в процессе в качестве обладателей свободной воли, а также личной и имущественной автономии.

Функционально кондемпнация могла быть направлена на защиту имущественных интересов истца, во-первых, и на применение штрафной санкции к ответчику, во-вторых. Причем в тех вещно-правовых исках, подобных *actio rei vindicatio* или *actio Publiciana*, цель которых состояла в восстановлении или обеспечении фактического обладания имуществом, присуждение ответчика к уплате денежной суммы, по свидетельствам источников, не исключало возврата спорного имущества в натуре, но являлось альтернативой последнему, когда оно по каким-либо причинам оказывается невозможным³⁷.

Так, согласно Ульпиану: «Если кто-либо не повинуется приказу судьи о выдаче вещи и утверждает, что он не может выдать вещь, хотя в действительности он имеет вещь, то у этого лица отбирается владение по приказу судьи военной силой и по судебному решению он присуждается только к возмещению плодов и всего, относящегося к вещи. Если же он действительно не может выдать вещь и если он не может сделать это по своему злему умыслу, то он присуждается к уплате без ограничений той стоимости, которая заявлена противником на суде, без производства какой-либо оценки. Если же он действительно не может выдать вещь и эта невозможность не возникла вследствие его

³³ Gai., 4.40: *Demonstratio est ea pars formulae, quae principio ideo inseritur, ut demonstretur res, de qua agitur, velut haec pars formulae: QUOD AULUS AGERIUS NUMERIO NEGIDIO HOMINEM VENDIDIT, item haec: QUOD AULUS AGERIUS APUD NUMERIUM NEGIDIUM HOMINEM DEPOSUIT.*

³⁴ См.: Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. С. 121 и след.

³⁵ Gai., 4.48: *...Si corpus aliquod petamus, velut fundum, hominem, vestem, aurum, argentum, iudex non ipsam rem condemnat eum, cum quo actum est, sicut olim fieri solebat, sed aestimata re pecuniam eum condemnat.*

³⁶ См.: Дождев Д. В. Римское частное право. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: НОРМА : Инфра-М, 2013. С. 212.

³⁷ См., например: Вальдекасас Г. Г. Публициев иск в нашем действующем правопорядке // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2018. № 3. С. 204, прим.

умысла, то он присуждается к уплате суммы не свыше стоимости вещи, то есть не свыше убытков противника. Это мнение имеет общее значение и применяется ко всем интердиктам или к вещным либо личным искам, по которым производится возвращение чего-либо по решению судьи»³⁸.

Одно из характерных отличий формулярного процесса от исторически предшествовавшего ему легисакционного процесса состояло в предоставлении судье возможности самостоятельно установить размер присуждения ответчика. В соответствии с этим различались *определённая кондемпнация* (*condemnatio certa*), предписывавшая, например, присудить ответчика к уплате истцу десяти тысяч сестерциев, и *неопределённая кондемпнация* (*condemnatio incerta*), которая, в свою очередь, могла быть *ограниченной* или *неограниченной* (*Gai., 4.49–51*). В неопределённой ограниченной кондемпнации судье предписывалось присудить ответчика к уплате денежной суммы не свыше установленного размера (*praefinitio* или *taxatio*), например: «*iudex, N^{um} N^{um} A^o A^o dumtaxat sestertium X milia condemna. Si non paret, absolve*».

Неопределённая и неограниченная кондемпнация предписывала обязать ответчика уплатить стоимость предмета без установления ее верхнего предела, например: «*Quanti ea res erit, tantam pecuniam, iudex N^{um} N^{um} eidem condemna. Si non paret, absolve*». Как уже отмечалось, в тех случаях, когда предметом спора выступало имущество, подлежащее разделу, предписание судье формулировалось следующим образом: «Сколько следует присудить, столько ты, судья, присуди тому, кому должно». В Институциях Гая и в трудах последующих юристов данная часть преторской формулы именуется *присуждением* (*adiudicatio*) и рассматривается в качестве элемента, альтернативной кондемпнации³⁹.

Вместе с тем нельзя не заметить, что в плане своего содержания адьюдикация не столько выступала самостоятельным элементом структуры, выполняющим, подобно интенции, демонстрации или кондемпнации, особую функцию, сколько являлась разновидностью *condemnatio incerta*, если понимать под кондемпнацией не обычную санкцию, как это подчас делается⁴⁰, но адресованное судье предписание вынести решение по делу, руководствуясь правовыми основаниями и фактическими обстоятельствами, изложенными в иске, а также принципами доброго и справедливого, имевшими общерегулятивное значение⁴¹.

Вспомогательные части формулы как технические средства защиты субъективных гражданских прав

Особенности понятийного правового мышления со всей наглядностью проявили себя в содержании вспомогательных частей преторской формулы, к числу которых относились фикция, исковое предписание (прескрипция) и исковое возражение (эксцепция). Естественно, будучи факкультативными, указанные элементы включались не во всякую формулу, а лишь постольку, поскольку справедливость судебного решения зависела от учета некоторых существенных фактических обстоятельств, которые не могли быть отражены в основной части формулы⁴².

³⁸ Ulp. 51 ad. ed., D. 6.1.68: Qui restituere iussus iudici non paret contendens non posse restituere, si quidem habeat rem, manu militari officio iudicis ab eo possessio transfertur et fructuum dumtaxat omnique causae nomine condemnatio fit. Si vero non potest restituere, si quidem dolo fecit quo minus possit, is, quantum adversarius in litem sine ulla taxatione in infinitum iuraverit, damnandus est. Si vero nec potest restituere nec dolo fecit quo minus possit, non pluris quam quanti res est, id est quanti adversarii interfuit, condemnandus est. Haec sententia generalis est et ad omnia, sive interdicta, sive actiones in rem sive in personam sunt, ex quibus arbitrato iudicis quid restituitur, locum habet.

³⁹ Gai., 4.42: *Adiudicatio est ea pars formulae, qua permittitur iudici rem alicui ex litigatoribus adiudicare, velut si inter coheredes familiae eriscundae agatur aut inter socios communi diuidendo aut inter vicinos finium regundorum. nam illic ita est: QUANTUM ADIUDICARI OPORTET, IUDEX, TITIO ADIUDICATO.*

⁴⁰ См., например: *Тумов В. В.* Экстраординарная юрисдикция в Древнем Риме эпохи республики и периода принципата: историко-юридическое исследование. Автореф. дис. ... к. ю. н. Саратов: Саратовск. юрид. ин-т МВД, 2007. С. 18.

⁴¹ Об общерегулятивном значении принципов *aequitas* и *bona fides* в римском частном праве, в том числе в гражданско-процессуальном праве, см. подробнее: *Хвостов В. М.* Опыт характеристики понятий *aequitas* и *aequum ius* в римской классической юриспруденции. М.: Университет. тип., 1895; *Савельев В. А.* Справедливость (*aequitas*) и добросовестность (*bona fides*) в римском праве классического периода // Государство и право, 2014. № 3. С. 63–72; *Beck A.* Zu den Grundprinzipien der Bona Fides im Römischen Vertragsrecht. *Aequitas und Bona Fides. Festgabe für August Simonius.* Basel: Helbing & Lichtenhahn, 1955. S. 9–27 и др.

⁴² Подробнее см.: *Зом Р.* Институции: История и система римского гражданского права. Ч. 2. Система. Вып. I. Общая часть и вещное право. Сергиев Посад: Тип. И. И. Иванова, 1916. С. 191; *Муромцев С. А.* О консерватизме римской юриспруденции: опыт по истории римского права // Муромцев С. А. Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М.: Центр ЮрИнфоР, 2004. С. 66, 178; *Громов С. А.* Материально-правовые

Так, *фикция* (fictio) включалась в начало формулы и представляла собой адресованное судье предписание рассматривать спор так, как если бы известные имеющие место факты отсутствовали (отрицательная фикция) или, напротив, не существующие факты существовали (положительная фикция). Примером иска с отрицательной фикцией является оговорка о том, чтобы считать лицо, подвергшееся *capitus deminutio*, не претерпевшим таковое (Gai., 4.38), наиболее же известную положительную фикцию содержал в себе Публицианов иск, предоставлявшийся бонитарному собственнику на основании того, что не истекший срок приобретательной давности на квинтитскую собственность уже истек⁴³. Важно отметить, что фикция служила не просто техническим средством преторской юрисдикции по конкретным гражданским делам, но имела гораздо более важное правотворческое значение. Подобно судебным решениям в правопорядках, основанных на прецедентном праве⁴⁴, преторские фикции использовались для создания новых моделей регулирования, целью которых являлось применение к конкретным фактическим ситуациям общих принципов *iuris honorarium*, прежде всего таких, как *equitas* и *bona fides*.

Прескрипцией (*praescriptio*) называлось включаемое в формулу условие, влиявшее на вынесение решения по делу либо в пользу истца (*praescriptio pro auctore*), либо в пользу ответчика (*praescriptio pro reo*)⁴⁵. В отличие от прескрипций *эксцепция* (*exceptio*), развившаяся на основе *praescriptiones pro reo* приблизительно в I в. н. э., всегда выдавалась в пользу ответчика и имела различное содержание, а также юридические последствия. Ответчик мог ссылаться на фактические обстоятельства, например на наличие в действиях истца злого умысла (так называемое *exceptio doli*, или возражение по поводу умысла), на отсутствие у него права предъявления иска, на наличие собственного специального права и т. п.

По своим последствиям *эксцепция* могла либо сделать невозможным удовлетворение искового требования, либо отложить его на определенное время. Соответственно сказанному различались и виды *эксцепций*, а именно: в зависимости от правового основания они подразделялись на *материальные* и *процессуальные*, по продолжительности действия — на *постоянные* (*exceptionis perpetuae*) и *временные* (*exceptionis dilatoriae*), по правовым последствиям — на *отлагательные* и *пресекательные*, по сфере применения — на *вещные* (*exceptionis rei cohaeret*) и *личные* (*exceptionis persona cohaeret*)⁴⁶. Характерно, что значение *эксцепции* как процессуального средства имеет универсальный характер, далеко выходящий за пределы римского частного права. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что примеры *эксцепций* встречаются в действующем гражданском законодательстве⁴⁷.

Так, в соответствии со ст. 199 ГК РФ требования о защите нарушенного права принимаются к рассмотрению судом, независимо от истечения исковой давности⁴⁸, то есть в материально-правовом плане являются бессрочными. Тем не менее истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске⁴⁹. Иными словами, заявление стороны о давности искового требования представляет

возражения должника против требований кредитора // Практика применения общих положений об обязательствах / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2011. С. 136.

⁴³ См.: Савельев В. А. Юридическая техника римской юриспруденции классического периода // Журнал российского права, 2008. № 12 (144). С. 114–115; Тумов В. В., Малиновская Н. В. Фикции как фактор становления иудейского и римского права // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2008. № 1 (4). С. 46 и след.; Маркин А. В. Фикции в римском праве: логическая природа и правовая целесообразность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2011. № 2 (16). С. 243–244.

⁴⁴ См. подробнее: Трикоз Е. Н., Швец А. А. Роль фикций и презумпций как юридико-технических средств развития системы «общего права» (на материалах средневековой Англии) // Общество и право, 2021. № 1 (75). С. 124–129.

⁴⁵ См.: Kranjc J. Die actio praescriptis verbis als Formelaufbauproblem. Zeitschrift für Savigny-Stiftung für rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. 1989. Bd. 106. S. 434–436.

⁴⁶ См.: Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права. М.: Зерцало, 2015. С. 143.

⁴⁷ См., например: Дерхо Д. С. К вопросу о развитии института исковой давности и его современном состоянии // Судья, 2016. № 3. С. 34–37.

⁴⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. В ред. Федерального закона № 20-ФЗ от 25.02.2022 г. // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2022. № 9. Ч. 1. Ст. 1252.

⁴⁹ Согласно п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 43; 2021. № 18), право на подачу заявления об исковой давности принадлежит ответчику в гражданском процессе, причем в случае солидарности ответственности заявление, сделанное одним из ответчиков, не распространяется на других ответчиков. По общему правилу, заявление, сделанное третьим лицом, не является основанием для применения исковой давности, кроме случаев, когда при удовлетворении иска к ответчику возможно предъявление последним регрессного требования к третьим лицам.

собой наглядный пример блокирующей (пресекающей) эксцепции, после применения которой само право погашается и в материальном плане, поскольку закон не допускает односторонних действий (таких как зачет, безакцептное списание денежных средств, обращение взыскания на заложенное имущество во внесудебном порядке и т. п.), направленных на осуществление права, срок исковой давности по которому истек⁵⁰.

Вместе с тем трудно не заметить, что возражение на исковое заявление в современном гражданском процессе по своей сути отличается от эксцепции в римском праве, чем, вполне возможно, объясняется откровенное нежелание многих процессуалистов использовать сам указанный термин, применительно к исковым возражениям ответчика. Дело в том, что в действующем законодательстве, а также в доктрине возражения нередко рассматриваются просто как фактические обстоятельства, на которые ссылается ответчик при подготовке дела к рассмотрению с целью обеспечить беспрепятственную реализацию судебной процедуры⁵¹. Так, в п. 2 ст. 149 ГПК РФ к числу действий, совершаемых ответчиком либо его представителем при подготовке дела к судебному разбирательству, отнесена в числе прочего передача истцу (его представителю), а также судье доказательств, обосновывающих возражения относительно иска⁵².

Обращает на себя внимание, что подобные действия совершаются ответчиком непосредственно на основании предписания закона, а не принадлежащего ему субъективного права или юридической обязанности. Совершенно иным образом обстояло дело в римском процессе, где эксцепция представляла собой особое право ответчика, тождественное праву противоположной стороны на предъявление иска. Не случайно, по словам Ульпиана: «Предъявляющим иск считается также и тот, кто использует эксцепцию: ведь при выдвижении эксцепции ответчик является истцом»⁵³. Именно указанными положениями руководствовались германские цивилисты XIX–XX вв., определяя как римскую *exceptio*, так и восходящие к ней материальные (*Einrede*) и процессуальные (*Einwendung*) возражения в германском праве⁵⁴. Следует отметить, что подобные взгляды на исковые возражения высказывались также и в отечественной юридической литературе⁵⁵, тем не менее широкого признания они не получили⁵⁶.

Рассмотренный материал, как представляется, проливает свет на качественные трансформации самой сущности правового регулирования по мере развития нормативной составляющей правопорядков, происходящего под определяющим влиянием понятийного юридического мышления и соответствующего типа правовой культуры. Сравнение римской эксцепции с материальными и процессуальными возражениями в современном праве позволяет сделать вывод о том, что в римском частном праве, в силу характерной для него неразвитости нормативной составляющей, притязания (в частности, устраняющие или блокирующие требования истца) обладали значением не просто юридических фактов, но субъективных прав, являющихся основными средствами регулирования поведения участников отношений и конструирования правопорядка в целом.

Иными словами, в римском частном праве не существовало четкой грани, отделяющей факт как таковой от факта юридического, а субъективное право в качестве меры возможного поведения лица — от притязаний либо иных действий, основанных на фактических обстоятельствах. Это со

⁵⁰ См. подробнее: *Колемасова В. С.* Применение норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности // *Судья*, 2016. № 3. С. 20–25; *Щенникова Л. В.* О материально-правовом институте исковой (погасительной) давности и гражданско-процессуальном праве на иск // *Вестник гражданского процесса*, 2017. № 5. С. 12–28.

⁵¹ См., в частности: *Добровольский А. А., Иванова С. А.* Основные проблемы исковой формы защиты права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 113; *Белов В. А.* Вексельные возражения // *Законодательство*, 2000. № 7. С. 10–12; *Рожкова М. А.* Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М.: Статут, 2009. С. 304; *Осокина Г. Л.* Гражданский процесс: Общая часть. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. С. 606–607.

⁵² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. В ред. Федерального закона № 98-ФЗ от 16.04.2022 г. // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2022. № 16. Ст. 2600.

⁵³ *Ulp.*, 4 ad ed.: *Agere etiam is videtur, qui exceptione utitur: nam reus in exceptione actor est.*

⁵⁴ См., например: *Дернбург Г.* Пандекты. Т. 1: Общая часть. М.: Унив. тип., 1906. С. 372–373; *Эннекцерус Л.* Курс германского гражданского права. Т. 1: Введение и общая часть. Т. 2. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1950. С. 393; *Зеккель Э.* Секундарные права в гражданском праве // *Вестник гражданского права*, 2007. № 2. С. 216 и др.

⁵⁵ См.: *Крашенинников Е. А.* Основные вопросы уступки требования // *Очерки по торговому праву: Сб. науч. тр. Вып. 6 / Под ред. Е. А. Крашенинникова.* Ярославль: Изд-во Ярославск. гос. ун-та им. П. Г. Демидова, 1999. С. 30; *Байгушева Ю. В.* Банковская гарантия: автореф. дис. ... к. ю. н. СПб., 2008. С. 20–21.

⁵⁶ См.: *Громов С. А.* Указ. соч. С. 149–151.

всей наглядностью может быть проиллюстрировано на примере *possessio*, правовая природа и сущность которого до сих пор вызывают активные дискуссии⁵⁷.

В современном праве, имеющем развитую нормативную структуру, юридические факты по-прежнему играют ведущую роль, образуя субстанциональную основу правопорядка и являясь исходным элементом правового регулирования. Вместе с тем не всякое фактическое обстоятельство, хотя бы и предусмотренное гипотезой нормы, создает юридически релевантные последствия в виде субъективных прав и обязанностей. Как правило, в настоящее время придание тому или иному конкретному жизненному обстоятельству, событию либо действию значения юридического факта является результатом нормативной квалификации соответствующего обстоятельства⁵⁸. Именно следуя данной логике, цивилисты отмечают, что «для вопроса о наступлении правовых последствий в виде возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей решающим является механизм гражданско-правового регулирования, основывающий свое действие на необходимой общности норм»⁵⁹.

Заключение

Подводя итог, мы можем сделать вывод о том, что в эволюционной ретроспективе преторская формула как инструментальное средство формального закрепления субъективных прав и основанных на этих последних исковых требований соответствовала одной из наиболее ранних стадий развития понятийного правового мышления, для которой была характерна его относительная неразвитость. Значение преторской формулы со всей наглядностью раскрывается в контексте исторической динамики типов правового мышления и культуры. Каждому из таких типов присущ собственный способ кодирования культурно значимой информации, каковой, безусловно, являются субъективные права и обязанности участников правового общения.

Представляется уместным, вслед за Ю. М. Лотманом, разработавшим и применившим соответствующую типологию на общекультурном материале, выделить следующие исторические типы правового мышления и культуры: 1) *семантический* (символический); 2) *синтактический*; 3) *асинтактический*, представляющий собой состояние, переходное от чисто семантического к чисто синтактическому способам правового мышления, и 4) *семантико-синтактический*⁶⁰. Мы видели, что последовательную смену всех указанных типов можно проследить лишь в широкой диахронной ретроспективе. В римском частном праве, в силу целого ряда его культурно-исторических особенностей, получили развитие лишь три из четырех исторических типов, а именно семантический, закономерно связанный с ассоциативно-образным правовым мышлением, синтактический, возникающий в результате перехода от ассоциативно-образного к понятийному правовому мышлению, и переходный асемантический типы.

Отличительной чертой семантического способа кодирования правовой информации являлась неразделимость в рамках одной знаковой формы означаемого и означающего знаков и, как следствие, семантизация самих этих последних. Иными словами, ассоциативно-образное мышление не проводило четкой границы между миром фактов и миром знаков. Каждый факт мог выступать в качестве носителя символического значения и использоваться в целях кодирования той или иной информации. Применительно к предмету нашего рассмотрения это означает, что для правового мышления, основанного на выявлении ассоциативных связей между образами, не существовало различия между фактическими действиями и субъективными правами: любое действие в семиотическом пространстве ритуала наполнялось юридическим смыслом и могло метафорически символизировать субъективное право лица.

Становление понятийного правового мышления на первых порах повлекло за собой десемантизацию фактических действий и утрату ритуалом, конструирование и воспроизводство которого являлись приоритетными для ассоциативно-образного мышления, регулирующего воздействие на поведение индивидов. Отрицание правовой релевантности фактических действий, составлявшее суть переходного асемантического типа правовой культуры, приводило к эксцессам, подобным

⁵⁷ См. подробнее: *Дождев Д. В.* Владение в системе гражданского права // Вестник гражданского права, 2009. № 4. С. 7 и след.

⁵⁸ См.: *Книпер Р.* Юридические факты: возникновение и упадок одного правового института в немецком праве [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32401565&pos=3;-88#pos=3;-88 (дата обращения: 21.05.2022).

⁵⁹ *Демин А. А.* О юридических фактах и механизме гражданско-правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 4. С. 107.

⁶⁰ См.: *Лотман Ю. М.* Указ. соч. С. 402.

тем, которые, по словам Авла Геллия (Gell., XX.1.13), совершались неким Луцием Верацием, чье дерзкое и возмутительное поведение стало поводом для реформирования гражданского судопроизводства и появления формулярного процесса⁶¹. В последнем в полной мере проявились отличительные особенности синтактического типа правовой культуры, прежде всего отделение знаков от их предметных референтов и, как результат, противопоставление юридических фактов, с одной стороны, и субъективных прав и обязанностей — с другой, в качестве самостоятельных элементов структуры римского правопорядка.

Выделяясь из фактического состава правовой реальности, субъективные права в целях сохранения своей юридической значимости начинают нуждаться в документальной фиксации, релевантной для всех участников правового общения. Преторская формула, пришедшая на смену архаическим *legis actiones* в качестве средства выражения исковых требований, выполняла двоякую роль: она, во-первых, свидетельствовала о наличии известных субъективных прав сторон гражданского процесса и, во-вторых, придавала этим субъективным правам необходимую степень обязательности, сообщавшую им устойчивость не только применительно к данной фактической ситуации, но и ко всем типологически сходным фактическим ситуациям, создававшим аналогичное субъективное право. Иными словами, в формулярном процессе документ стал играть ту же роль, каковую ритуал заявления иска играл в легисакционном процессе.

Неразвитость нормативного начала, отмечавшаяся нами применительно к римскому частному праву, стала причиной того, что основным средством конструирования юридически значимых действий являлись субъективные права и обязанности. Вот почему преторскую формулу следует считать инструментом понятийного правового мышления, типичным для раннего этапа развития последнего. В ходе дальнейшей эволюции понятийного мышления формируется семантико-синтактический тип правовой культуры, характеризующий современные правопорядки, восходящие к римскому частному праву. В правовой культуре данного типа факты, составляющие субстанциональную основу правопорядка и субъективные права, выступающие его первичными элементами, образуют параллельные и взаимно коррелирующие друг другу последовательности, соответственно семантическую и синтактическую. Вместе с тем связь между этими рядами устанавливается на более высоком уровне, а именно на уровне норм, которые обеспечивают правовую квалификацию фактов и выступают общей предпосылкой возникновения, изменения и прекращения субъективных прав и обязанностей.

Литература

1. *Байгушева Ю. В.* Банковская гарантия : автореф. дис. ... к. ю. н. СПб., 2008. 22 с.
2. *Белов В. А.* Вексельные возражения // Законодательство, 2000. № 7. С. 10–18.
3. *Вальдекасас Г. Г.* Публициев иск в нашем действующем правопорядке // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2018. № 3. С. 168–214.
4. *Гримм Д. Д.* Лекции по догме римского права. М.: Зерцало, 2015. 496 с.
5. *Громов С. А.* Материально-правовые возражения должника против требований кредитора. Практика применения общих положений об обязательствах / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2011. С. 133–173.
6. *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческого языка и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Наука, 1984. С. 37–298.
7. *Демин А. А.* О юридических фактах и механизме гражданско-правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 4. С. 104–108.
8. *Дернбург Г.* Пандекты. Т. 1: Общая часть. М.: Унив. тип., 1906. 481 с.
9. *Держо Д. С.* К вопросу о развитии института исковой давности и его современном состоянии // Судья, 2016. № 3. С. 34–37.
10. *Добровольский А. А., Иванова С. А.* Основные проблемы исковой формы защиты права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 190 с.

⁶¹ В истории римского частного права асемантический тип правовой культуры может быть датирован второй половиной IV — серединой III в. до н. э., то есть началом предклассического периода, непосредственно предшествующим появлению формулярного процесса. Примечательно, что тенденции, аналогичные только что рассмотренным, синхронно наблюдаются во всех сферах античной культуры, что позволяет видеть в них глубокий психологический фундамент. Так, ярким свидетельством десемантизации культурных феноменов в результате перехода от ассоциативно-образного мышления к мышлению понятийному может служить и древнегреческая трагедия V в. до н. э., прежде всего произведения Еврипида «Орест», «Медея», «Геракл безумный» и др. Анализируя идейно-эстетическую установку этих трагедий, О. М. Фрейденберг писала: «Варварские темы греческой трагедии... объясняются именно тем, что зрительный греческий театр — балаган — был паномай, скрытой за пологом или за дверью смерти, но смерти не людей, а мифических существ, в которых воплощались стихии и силы внешней природы» (Фрейденберг О. М. Указ. соч. С. 428).

11. *Дождев Д. В.* Владение в системе гражданского права // Вестник гражданского права, 2009. № 4. С. 6–42.
12. *Дождев Д. В.* Добрая совесть (bona fides) как принцип правового общения. Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М.: ИГП РАН, 1996. С. 29–40.
13. *Дождев Д. В.* Римское частное право. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. 784 с.
14. *Емельянов В. В.* Ритуал в Древней Месопотамии. СПб.: Азбука-Классика; Петербургское востоковедение, 2003. 320 с.
15. *Заливалова Л. Н.* К вопросу об изучении византийского права. Модернизация российского законодательства в условиях конституционной реформы. Сборник трудов XVII Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме / Отв. ред. Г. Г. Бриль, В. В. Груздев. Кострома: Изд. Костромского гос. ун-та, 2021. С. 302–306.
16. *Зеккель Э.* Секундарные права в гражданском праве. Вестник гражданского права, 2007. № 2. С. 204–252.
17. *Зом Р.* Институции: История и система римского гражданского права. Ч. 2. Система. Вып. 1. Общая часть и вещное право. Сергиев Посад: Тип. И. И. Иванова, 1916. 375 с.
18. *Йеринг Р. фон.* Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб.: тип. В. Безобразова и Ко., 1875. Ч. 1. 321 с.
19. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб.: Издат. дом «Алеф-Пресс», 2015. 704 с.
20. *Книпер Р.* Юридические факты: возникновение и упадок одного правового института в немецком праве. [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32401565&pos=3;-88#pos=3;-88 (дата обращения: 21.05.2022).
21. *Колемасова В. С.* Применение норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности // Судья, 2016. № 3. С. 20–25.
22. *Кофанов Л. Л.* Lex и ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н. э. М.: Статут, 2006. 575 с.
23. *Крашенинников Е. А.* Основные вопросы уступки требования. Очерки по торговому праву: сб. науч. тр. Вып. 6 / Под ред. Е. А. Крашенинникова. Ярославль: Изд-во Ярославск. гос. ун-та им. П. Г. Демидова, 1999. С. 10–29.
24. *Курбатов А. А.* Судопроизводство в архаических Афинах // Государство и право, 1993. № 6. С. 119–127.
25. *Леви-Брюль Л.* Первобытный менталитет. СПб.: Европейский дом, 2002. 400 с.
26. *Липшиц Е. Э.* Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л.: Наука, 1976. 232 с.
27. *Лотман Ю. М.* Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX веков / Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 400–417.
28. *Луковская Д. И., Разуваев Н. В.* Учение досократиков о справедливости и законе // Вестник СПбГУ. Право. 2015. Сер. 14. Вып. 3. С. 35–44.
29. *Маркин А. В.* Фикции в римском праве: логическая природа и правовая целесообразность. Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2011. № 2 (16). С. 243–245.
30. *Марр Н. Я.* Язык / Марр Н. Я. Основные вопросы языкознания. Л.: Соцэкгиз, 1936. С. 127–137.
31. *Марченко М. Н.* Источники права. М.: ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2006. 760 с.
32. *Муромцев С. А.* О консерватизме римской юриспруденции: Опыт по истории римского права / Муромцев С. А. Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М.: Центр ЮрИнфоР, 2004. С. 59–212.
33. *Новицкий И. Б.* Основы римского гражданского права. М.: Проспект, 2015. 272 с.
34. *Осокина Г. Л.* Гражданский процесс: Общая часть. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. 704 с.
35. *Потебня А. А.* Мысль и язык / Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 17–200.
36. *Рожкова М. А.* Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М.: Статут, 2009. 168 с.
37. *Савельев В. А.* Справедливость (aequitas) и добросовестность (bona fides) в римском праве классического периода // Государство и право, 2014. № 3. С. 63–72.
38. *Савельев В. А.* Юридическая техника римской юриспруденции классического периода // Журнал российского права, 2008. № 12 (144). С. 108–115.
39. *Савиньи Ф. К. фон.* Система современного римского права. Т. I. М.: Статут, 2011. 510 с.
40. *Салогубова Е. В.* Римский гражданский процесс. М.: Юридическое бюро «Городец», 1997. 144 с.
41. *Сальковский К.* Институции. Основы системы и истории римского частного права. Киев: тип. «Петр Барский», 1910. 608 с.
42. *Седаков С. Ю.* Роль квирицкого претора в создании норм римского частного права предклассического периода // Древнее право, 1996. № 1. С. 124–128.
43. *Сепир Э.* Язык. Введение в изучение речи / Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Издат. группа «Прогресс», 2001. С. 26–203.
44. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 1999. 432 с.
45. *Спирин М. Ю.* О современных проблемах определения категории «источник права» // Вестник общей и отраслевой теории права, 2022. № 1 (3). С. 22–30.
46. *Таривердиева М. А.* Историческая роль латинского языка в формировании романских языков и культур // Вестник Московского гуманитарного лингвистического университета, 2018. Сер.: Гуманитарные науки. № 6 (11). С. 152–158.
47. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
48. *Триkoz Е. Н., Швец А. А.* Роль фикций и презумпций как юридико-технических средств развития системы «общего права» (на материалах средневековой Англии) // Общество и право, 2021. № 1 (75). С. 124–129.
49. *Тумов В. В.* Экстраординарная юрисдикция в Древнем Риме эпохи республики и периода принципата: историко-юридическое исследование. Автореф. дис. ... к. ю. н. Саратов: Саратовск. юрид. ин-т МВД, 2007. 21 с.

50. Тумов В. В., Малиновская Н. В. Фикции как фактор становления иудейского и римского права // Вестник Воронежского государственного университета, 2008. Сер.: Право. № 1 (4). С. 45–56.
51. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.
52. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: Изд-во А-сад, 1994. 407 с.
53. Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 302 с.
54. Хвостов В. М. Опыт характеристики понятий *aequitas* и *aequum ius* в римской классической юриспруденции. М.: Университет. тип., 1895. 317 с.
55. Хвостов В. М. Система римского права. М.: Спарк, 1996. 522 с.
56. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. 1. Основы. М.: Междунар. отношения, 1998. 480 с.
57. Щенникова Л. В. О материально-правовом институте исковой (погасительной) давности и гражданско-процессуальном праве на иск // Вестник гражданского процесса, 2017. № 5. С. 12–28.
58. Эннексерус Л. Курс германского гражданского права. Т. 1: Введение и Общая часть. Пт. 2. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1950. 483 с.
59. Arangio-Ruiz V. *Instituzioni di diritto romano*. 14 ed. Napoli: E. Jovene, 1984. 564 p.
60. Bachofen J. J. *De romanorum iudicii civilibus de legis actionibus de formulis et de condicione: dissertatio historico-dogmatica*. Göttingen: Dieterich, 1840. 346 p.
61. Beck A. Zu den Grundprinzipien der Bona Fides im Römischen Vertragsrecht. *Aequitas und Bona Fides*. Festgabe für August Simonius. Basel: Helbing & Lichtenhahn, 1955. S. 9–27.
62. Birks P. From legis actio to formula. *The Irish Jurist*. New series. 1969. Vol. 4. № 2. P. 356–367.
63. Biscardi A. Sulla data della lex Aquilia. *Scritti in memoria di Antonio Giuffrè*. Milano: Ed. Giuffrè, 1967. Vol. 1. P. 84–94.
64. Hamsa G. Zur Frage des Verhältnisses der vergleichenden Rechtsgeschichte zum römischen Recht. *Studi in onore di Arnaldo Biscardi*. Vol. II. Milano: Istituto Editoriale Cisalpino — La Goliardica, 1982. P. 1–23.
65. Koschaker P. *Europa und das römische Recht*. München, Berlin: C. H. Beck Verlag, 1953. 232 S.
66. Kranjc J. Die actio praescriptis verbis als Formelaufbauproblem. *Zeitschrift für Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung*. 1989. Bd. 106. S. 434–436.
67. Watson A. *Roman Law Around 200 BC*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1971. 187 p.
68. Wolff H. J. *The Origin of Judicial Litigation Among the Greeks*. *Traditio: Studies in Ancient and Medieval History, Thought, and Religion*. 1946. Vol. 4. P. 31–87.

References

1. Baygusheva, Yu. V. *Bank Guarantee: A PhD Thesis in Law [Bankovskaja garantija: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk]*. SPb., 2008. 22 p. (In Rus.)
2. Belov, V. A. Bill Objections [Vksel'nye vozrazhenija]. *Legislation [Zakonodatel'stvo]*, 2000. No. 7. P. 10–18. (In Rus.)
3. Valdecasas, G. G. Publiciana in Rem Actio in our Contemporary Legal System [Publiciev isk v nashem dejstvujushhem pravoporyadke]. *The Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation [Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoi Federatsii]*, 2018. No. 3. P. 168–214. (In Rus.)
4. Grimm, D. D. *Lectures on the Dogma of Roman Law [Lekcii po dogme rimskogo prava]*. M.: Zertsalo, 2015. 496 p. (In Rus.)
5. Gromov, S. A. Material and Legal Objections of the Debtor Against the Claims of the Creditor. *The Practice of Applying General Provisions on Obligations [Material'no-pravovye vozrazhenija dolzhnika protiv trebovanij kreditora. Praktika primenenija obshnih polozhenij ob objazatel'stvah]* / Otv. ed. M. A. Rozhkova. M.: Statut, 2011. P. 133–173. (In Rus.)
6. Humboldt, W. von. On the Structure of Human Language and Its Influence on the Spiritual Development of Mankind [O razlichii stroeniya chelovecheskogo jazyka i ego vlijanii na duhovnoe razvitie chelovechestva]. *Humboldt W. von. Background. Selected Works on Linguistics [Gumbol'dt W. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju]*. M.: Nauka, 1984. P. 37–298. (In Rus.)
7. Demin, A. A. About Legal Acts and the Civil Law Regulation [O juridicheskikh faktah v mehanizme grazhdansko-pravovogo regulirovanija]. *Laws of Russia: experience, analysis, practice [Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika]*. 2020. No. 4. P. 104–108. (In Rus.)
8. Dernburg, G. *Pandekty*. Т. 1: General part. M.: Univ. type., 1906. 481 p. (In Rus.)
9. Derkho, D. S. To the Question of the Development of the Institute of Limitation and Its Current State [K voprosu o razvitii instituta iskovoj davnosti i ego sovremennom sostojanii]. *Judge [Sud'ja]*, 2016. No. 3. P. 34–37. (In Rus.)
10. Dobrovolsky, A. A., Ivanova, S. A. Main Problems of the Claim Form of Protection of Rights [Osnovnye problemy iskovoj formy zashchity prava]. M.: Publishing House of Moscow University [Izd-vo Mosk. un-ta], 1979. 190 p. (In Rus.)
11. Dozhdev, D. V. Possession in the System of Civil Law [Vladienie v sisteme grazhdanskogo prava]. *Bulletin of Civil Law [Vestnik grazhdanskogo prava]*, 2009. No. 4. P. 6–42. (In Rus.)
12. Dozhdev, D. V. Good Conscience (Bona Fides) as a Principle of Legal Communication. Problems of the Value Approach in Law: Traditions and Renewal [Dobraja sovest' (bona fides) kak princip pravovogo obshchenija. Problemy cennostnogo podhoda v prave: tradicii i obnovlenie]. M.: ISL RAS, 1996. P. 29–40. (In Rus.)
13. Dozhdev, D. V. *Roman Private Law [Rimskoe chastnoe pravo]*. 3rd edition, corrected and supplemented. M.: Norma; INFRA-M, 2013. 784 p. (In Rus.)

14. Emelyanov, V. V. Ritual in Ancient Mesopotamia [Ritual v Drevnej Mesopotamii]. St. Petersburg: Azbuka-Classika; Petersburg Oriental Studies [Azbuka-Klassika; Peterburgskoe vostokovedenie], 2003. 320 p. (In Rus.)
15. Zalivalova, L. N. To the Question of the Study of Byzantine Law. Modernization of Russian Legislation in the Context of Constitutional Reform. Proceedings of the XVII All-Russian December Legal Readings in Kostroma [K voprosu ob izuchenii vizantijskogo prava. Modernizacija rossijskogo zakonodatel'stva v uslovijah konstitucionnoj reformy. Sbornik trudov XVII Vserossijskikh dekabr'skikh juridicheskikh chtenij v Kostrome] / Ed. G. G. Bril, V. V. Gruzdev. Kostroma: Kostroma State University Publishing House [Izd. Kostromskogo gos. un-ta], 2021. P. 302–306. (In Rus.)
16. Zekkel, E. Second Rights in Civil Law [Sekundarnye prava v grazhdanskom prave]. Bulletin of Civil Law [Vestnik grazhdanskogo prava], 2007. No. 2. P. 204–252. (In Rus.)
17. Zom, R. Institutions: History and System of Roman Civil Law. Part 2. System. Issue 1. General part and real right [Institucii: Istorija i sistema rimskogo grazhdanskogo prava. Ch. 2. Sistema. Vyp. 1. Obshchaja chast' i veshchnoe pravo]. Sergiev Posad: Publishing House of I. I. Ivanov [Tip. I. I. Ivanova], 1916. 375 p. (In Rus.)
18. Yering, R. von. The Spirit of Roman Law at Various Stages of its Development [Duh rimskogo prava na razlichnyh stupenjah ego razvitiija]. SPb.: Publishing House of V. Bezobrazova and Co., 1875. Part 1. 321 p. (In Rus.)
19. Kelsen, G. Pure Doctrine of Law, Justice and Natural Law [Chistoe uchenie o prave, spravedlivost' i estestvennoe pravo]. SPb.: Publishing House "Alef-Press", 2015. 704 p. (In Rus.)
20. Kniper, R. Legal Facts: The Emergence and Decline of One Institution in German Law [Juridicheskie fakty: vzniknovenie i upadok odnogo pravovogo instituta v nemetskom prave]. [Electronic resource]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32401565&pos=3;-88#pos=3;-88 (accessed date: 21.05.2022).
21. Kolemasova, V. S. Application of the Norms of the Civil Code of the Russian Federation on the Limitation Period [Primenenie norm Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ob iskovoj davnosti]. Judge [Sud'ja], 2016. No. 3. P. 20–25. (In Rus.)
22. Kofanov, L. L. Lex and Ius: The Emergence and Development of Roman Law in the VIII–III centuries [Lex i ius: vzniknovenie i razvitie rimskogo prava v VIII–III vv. do n. e.]. BC. M.: Statut, 2006. 575 p. (In Rus.)
23. Krashennikov, E. A. The Main Issues of the Assignment of Claims. Essays on Commercial Law: Collection of Scientific Works. Issue 6 [Osnovnye voprosy ustupki trebovanija. Ocherki po trgovomu pravu: Sb. nauch. tr. Vyp. 6] / Ed. E. A. Krashennikova. Yaroslavl: Publishing House of Yaroslavl. State University named after P. G. Demidov [Izd-vo Jaroslavsk. gos. un-ta im. P. G. Demidova], 1999. P. 10–29. (In Rus.)
24. Kurbatov, A. A. Legal Proceedings in Archaic Athens [Sudoproizvodstvo v arhaicheskikh Afinah]. State and Law [Gosudarstvo i pravo], 1993. No. 6. P. 119–127. (In Rus.)
25. Levy-Bruhl, L. Primitive Mentality [Pervobytnyj mentalitet]. St. Petersburg: European House [Evropejskij dom], 2002. 400 p. (In Rus.)
26. Lipshits, E. E. Law and Court in Byzantium in the IV–VIII Centuries [Pravo i sud v Vizantii v IV–VIII vv.]. L.: Nauka, 1976. 232 p. (In Rus.)
27. Lotman, Yu. M. The Problem of the Sign and the Sign System and the Typology of Russian Culture of the XI–XIX Centuries [Problema znaka i znakovoj sistemy i tipologija russkoj kul'tury XI–XIX vekov]. In: Lotman Yu. M. Semiosphere [Semiosfera]. St. Petersburg: Art-SPB, 2000. P. 400–417. (In Rus.)
28. Lukovskaya, D. I., Razuvaev, N. V. Pre-Socratic Doctrine of Justice and Law [Uchenie dosokratikov o spravedlivosti i zakone]. Bulletin of St. Petersburg State University. Right. Ser. 14. [Vestnik SPbGU. Pravo. Ser. 14]. 2015. Issue 3. P. 35–44. (In Rus.)
29. Markin, A. V. Fictions in Roman Law: Logical Nature and Legal Expediency [Fikcii v rimskom prave: logicheskaja priroda i pravovaja celesoobraznost']. Science Vector of Togliatti State University. Ser.: Juridical sciences [Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki], 2011. No. 2 (16). P. 243–245. (In Rus.)
30. Marr, N. Ya. Language [Jazyk]. In: Marr N. Ya. Basic Questions of Linguistics [Osnovnye voprosy jazykoznanija]. L.: Sotsekgiz, 1936. P. 127–137. (In Rus.)
31. Marchenko, M. N. Sources of Law [Istochniki prava]. M.: TK "Velby", Prospekt Publishing House [TK "Velbi", Izd-vo "Prospekt"], 2006. 760 p. (In Rus.)
32. Muromtsev, S. A. On the Conservatism of Roman Jurisprudence: Experience in the History of Roman Law [O konservatizme rimskoj jurisprudencii: Opyt po istorii rimskogo prava]. In: Muromtsev S. A. Selected Works on Roman and Civil Law [Izbrannye trudy po rimskomu i grazhdanskomu pravu]. M.: Center YurInfoR, 2004. P. 59–212. (In Rus.)
33. Novitsky, I. B. Fundamentals of Roman Civil Law [Osnovy rimskogo grazhdanskogo prava.]. M.: Prospekt, 2015. 272 p. (In Rus.)
34. Osokina, G. L. Civil Process: General Part [Grazhdanskij process: Obshchaja chast']. M.: Norma; INFRA-M, 2013. 704 p. (In Rus.)
35. Potebnya, A. A. Thought and Language [Mysl' i jazyk]. In: Potebnya A. A. Word and Myth [Slovo i mif]. M.: Pravda, 1989. P. 17–200. (In Rus.)
36. Rozhkova, M. A. Legal Facts of Civil and Procedural Law: Agreements on the Protection of Rights and Procedural Agreements [Juridicheskie fakty grazhdanskogo i processual'nogo prava: soglashenija o zashchite prav i processual'nye soglashenija]. M.: Statut, 2009. 168 p. (In Rus.)
37. Savel'ev, V. A. Justice (Aequitas) and Integrity (Bona Fides) in Roman Law, the Classical Period [Spravedlivost' (aequitas) i dobrosovestnost' (bona fides) v rimskom prave klassicheskogo perioda]. State and Law [Gosudarstvo i pravo], 2014. No. 3. P. 63–72. (In Rus.)
38. Savel'ev, V. A. Legal Technique of Roman Jurisprudence of the Classical Period [Juridicheskaja tehnika rimskoj jurisprudencii klassicheskogo perioda]. Journal of Russian Law [Zhurnal rossijskogo prava], 2008. No. 12 (144). P. 108–115. (In Rus.)
39. Savigny, F. K. The System of Modern Roman Law [Sistema sovremennogo rimskogo prava]. T. I. M.: Statut, 2011. 510 p. (In Rus.)

40. Salogubova, E. V. Roman Civil Process [Rimskij grazhdanskij process]. M.: Legal Bureau Gorodets, 1997. 144 p. (In Rus.)
41. Salkovsky, K. Institutions. Fundamentals of the System and History of Roman Private Law [Institucii. Osnovy sistemy i istorii rimskogo chastnogo prava]. Kyiv: Pyotr Barsky Publishing House [Tip. Petr Barskij], 1910. 608 p. (In Rus.)
42. Sedakov, S. Yu. The Role of the Kvirite Praetor in the Creation of the Norms of Roman Private Law of the Preclassical Period [Rol' kviritskogo pretora v sozdanii norm rimskogo chastnogo prava predklassicheskogo perioda]. Ancient Law [Drevnee pravo], 1996. No. 1. P. 124–128. (In Rus.)
43. Sepir, E. Language. Introduction to the Study of Speech [Jazyk. Vvedenie v izuchenie rechi]. In: Sepir E. Selected Works on Linguistics and Cultural Studies [Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii]. M.: Publishing House. Group Progress, 2001. P. 26–203. (In Rus.)
44. Saussure, F. de. Course of General Linguistics [Kurs obshchej lingvistiki]. Ekaterinburg: Uralsk. University Publishing House [Izd-vo Ural'sk. un-ta], 1999. 432 p. (In Rus.)
45. Spirin, M. Yu. On the Modern Problems of Determining the Category of “Source of Law” [O sovremennyh problemah opredelenija kategorii “istochnik prava”]. Bulletin of the General and Branch Theory of Law [Vestnik obshchej i otraslevoj teorii prava]. 2022. No. 1 (3). P. 22–30. (In Rus.)
46. Tariverdieva, M. A. The Historical Role of The Latin Language in The Formation of Romance Languages and Cultures [Istoricheskaja rol' latinskogo jazyka v formirovanii romanskih jazykov i kul'tur]. Bulletin of the Moscow Humanitarian Linguistic University. Ser.: Humanities [Vestnik Moskovskogo gumanitarnogo lingvisticheskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki]. 2018. No. 6 (11). P. 152–158. (In Rus.)
47. Tenier, L. Fundamentals of Structural Syntax [Osnovy strukturnogo sintaksisa]. Moscow: Progress, 1988. 656 p. (In Rus.)
48. Trikoz, E. N., Shvets, A. A. The Role of Fictions and Presumptions as Legal and Technical Means of Developing the System of Common Law (Based on the Example of Medieval England) [Rol' fikcij i prezumpcij kak juridiko-tehnicheskikh sredstv razvitiya sistemy «obshchego prava» (na materialah srednevekovoj Anglii)]. Society and Law [Obshchestvo i pravo]. 2021. No. 1 (75). P. 124–129. (In Rus.)
49. Tumov, V. V. Extraordinary Jurisdiction in Ancient Rome of the Era of the Republic and the Period of the Principate: Historical and Legal Research : A PhD Thesis in Law [Jekstraordinarnaja jurisdikcija v Drevnem Rime epochi Respubliki i perioda Principata: istoriko-juridicheskoe issledovanie. Avtoref. dis. ... k. ju. n]. Saratov: Saratov Legal University of the Ministry of Internal Affairs [Saratovsk. jurid. in-t MVD], 2007. 21 p. (In Rus.)
50. Tumov, V. V., Malinovskaya, N. V. Fiction as a Factor in the Formation of Jewish and Roman law [Fikcii kak faktor stanovlenija iudejskogo i rimskogo prava]. Bulletin of the Voronezh State University. Ser.: Right [Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2008. No. 1 (4). P. 45–56. (In Rus.)
51. Freidenberg, O. M. Myth and Literature of Antiquity [Mif i literatura drevnosti]. M.: Publishing House. Firm “Eastern Literature” RAS [Izdat. firma “Vostochnaja literature” RAN], 1998. 800 p. (In Rus.)
52. Foucault, M. Words and Things. Archeology of the Humanities [Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk]. St. Petersburg: A-cad Publishing House [Izd-vo “A-cad”], 1994. 407 p. (In Rus.)
53. Hart, G. L. A. The Concept of Law [Ponjatie prava]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University [Izd-vo S.-Peterb. un-ta], 2007. 302 p. (In Rus.)
54. Khvostov, V. M. Experience in Characterizing the Concepts of Aequitas and Aequum Ius in Roman Classical Jurisprudence [Opyt karakteristiki ponjatij aequitas i aequum ius v rimskoj klassicheskoj jurisprudencii]. M.: University Publishing House [Universitet. tip.]. 1895. 317 p. (In Rus.)
55. Khvostov, V. M. The System of Roman Law [Sistema rimskogo prava]. M.: Spark, 1996. 522 p. (In Rus.)
56. Zweigert, K., Kötz, H. Introduction to Comparative Law in the Field of Private Law. T. 1. Fundamentals [Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava. T. 1. Osnovy]. M.: Intern. Relations [Mezhdunar. otnoshenija], 1998. 480 p. (In Rus.)
57. Shchennikova, L. V. On the Substantive Institute of Period of Limitation and Civil Procedural Right of Action [O material'no-pravovom institute iskovoj (pogasitel'noj) davnosti i grazhdansko-processual'nom prave na isk]. Bulletin of Civil Process [Vestnik grazhdanskogo processa]. 2017. No. 5. P. 12–28. (In Rus.)
58. Enneccerus, L. The Course of German Civil Law. T. 1: Introduction and General Part. Pt. 2 [Kurs germanskogo grazhdanskogo prava. T. 1: Vvedenie i Obshchaja chast']. M.: Publishing House of Foreign Literature [Izd-vo inostr. lit-ry], 1950. 483 p. (In Rus.)
59. Arangio-Ruiz, V. Istituzioni di diritto romano. 14 ed. Napoli: E. Jovene, 1984. 564 p.
60. Bachofen, J. J. De romanorum iudiciis civilibus de legis actionibus de formulis et de conditione: dissertatio historico-dogmatica. Göttingen: 1840. 346 p.
61. Beck, A. Zu den Grundprinzipien der Bona Fides im Römischen Vertragsrecht. Aequitas und Bona Fides. Festgabe für August Simonius. Basel: Helbing & Lichtenhahn, 1955. S. 9–27.
62. Birks, P. From legis actio to formula. The Irish Jurist. New series. 1969. Vol. 4. № 2. P. 356–367.
63. Biscardi, A. Sulla data della lex Aquilia. Scritti in memoria di Antonio Giuffrè. Milano: Ed. Giuffrè, 1967. Vol. 1. P. 84–94.
64. Hamsa, G. Zur Frage des Verhältnisses der vergleichenden Rechtsgeschichte zum römischen Recht. Studi in onore di Arnaldo Biscardi. Vol. II. Milano: Istituto Editoriale Cisalpino — La Goliardica, 1982. P. 1–23.
65. Koschaker, P. Europa und das römische Recht. München, Berlin: C. H. Beck Verlag, 1953. 232 p.
66. Kranjc, J. Die actio praescriptis verbis aus Formelaufbauprobem. Zeitschrift für Savigny-Stiftung für rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. 1989. Bd. 106. S. 434–436.
67. Watson, A. Roman Law Around 200 BC. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1971. 187 p.
68. Wolff, H. J. The Origin of Judicial Litigation Among the Greeks. Traditio: Studies in Ancient and Medieval History, Thought, and Religion. 1946. Vol. 4. P. 31–87.